Первые 13 «Притч» — подготовка, как нам кажется, к двум заключительным, важнейшим, в которых и заключаются размышления Любомирского, связанные с событиями 1666 г.: «Притча 14. ИЗ. Фортуну з добродетелию ровняет и оныя лщение показует и учит, яко оной верити мало долженствуем», «Притча 15. СЕ. Чести суету и бедствия началников от добродетели отступивших и в чом праведная честь состоит учит». Человек, добившийся власти и «отступивший от добродетели» — «игралище Фортуны». И в XV «притче» Любомирский дает грандиозный, из 72 имен, каталог «кесарей почтенных или паче убиенных», так или иначе «избоденных, убиенных, усеченных, разтерзанных, низверженных». Таков итог размышлений Любомирского «о временной славе мира сего», это и итог его размышлений о 1666 г., о судьбе своего отца.

Таким образом, мы связываем написание «Adverbia moralia» с ситуацией переворота, шумного возвышения и столь же шумного падения «счастливца», вознесенного на колесе Фортуны и сброшенного с этого колеса.[19] И несмотря на общечеловеческий смысл этого сочинения (и ему подобных), в эпохи социальных катаклизмов и перемен актуализируется именно связь с конкретным событием.

Аналогичный пример можно найти и в истории русской поэзии XVII в. Откликом на свержение царевны Софьи и падение ее фаворитов были опять-таки «нравоучительные» «Рифмы краесогласнии о прелести суетного сего мира и буйстве, како мир другом своим, ихже прелщает вмале, зле ругается вечно», написанные в 1691 или 1692 г. Так же как и Любомирскому, переворот дал повод для рефлексии неизвестному автору этого сочинения, из которого читатель «буйство мира, яко вся, яже в нем сущая, суетна, изменна, непостоянна, скоропреходна, паче же и окаянна, удобь познати может».[20] Характерно, что и русский поэт воспользовался редкой и изысканной для своего времени формой: пятистишие (6+6+6+3) с пятым холостым стихом. Отметим и то, что в подобных спекулятивных рассуждениях конкретный повод, по которому они написаны, expressis verbis не обозначен. Это свойственно поэтике как барокко, так и классицизма.

Так мы предлагаем и русский перевод 1730 г. понимать как отклик на современные события. А события этого года давали много поводов к таким размышлениям.

---

[19] Колесо Фортуны изображено на гравюре к XIV «притче». Этот сюжет популярен в эмблематических и гадательных сочинениях. См., например, «Fortuna albo szczęście» («Фортуна или счастье») Я. Гавиньского (Kraków, 1690). Очевидно, перевод этой книги был в библиотеке кн. Д. М. Голицына. См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1887, т. IV, с. 180.

[20] *Панченко А. М.* Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 87.